

М.А. БИРМАН. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М., 2018. 442 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0004208-1

Уже давно труды и личность П.М. Бицилли привлекают исследователей. Выходят и продолжают выходить многочисленные исследования у нас и за рубежом. Здесь и монографии, и статьи, и публикация различных материалов, связанных с его именем. Можно сказать, завидная судьба, когда творчество ученого продолжает вызывать междисциплинарный интерес ученых на протяжении длительного времени.

И труд Михаила Абрамовича Бирмана, много лет проработавшего в Институте славяноведения РАН (прежде Институт славяноведения и балканистики РАН), только подтверждает сказанное. Сразу можно задаться вопросом, что и чем привлекает его книга?

И сразу небольшое отступление. Мне приходилось и ранее читать его работы. Чему бы они не были посвящены — поражает одно: перфектность или фантастическая скрупулезность в исследованиях, даже если они и посвящены, с моей точки зрения, довольно неинтересным темам. Но, как известно, скучных тем не бывает, есть только читатели, которые их таковыми считают.

И настоящая книга являет собою блистательный пример именно тщательности проведенного исследования. В книгу включен перечень из 13 блоков всего наследия П.М. Бицилли: 1. Труды по античности и средневековью; 2. Сочинения по всеобщей истории; 3. Труды по истории исторической науки, историософии и преподаванию истории; 4. Сочинения о классиках русской литературы (Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой,

А.П. Чехов); 5. Публикации по «философии нации» и нациогенезу; 6. Сочинения по истории России, российской государственности и культуры (проблемы руссификации); 7. Труды по теории и истории мировой и русской литературы; 8. Публикации по болгаристике и славистике; 9. Сочинения по теории и истории русского литературного языка и по фольклору; 10. Публикации по социологии, психологии, искусствознанию, религиоведению, философии и др.; 11. Труды о А.С. Пушкине и на темы пушкинистики; 12. Сочинения о современной европейской и русской культуре и на культурологические темы. П.М. Бицилли — культуролог; 13. Публикации о творчестве современных русских писателей (И.А. Бунин, А. Блок, В.В. Набоков, М.А. Алданов, Ю. Герман, М. Зощенко, Н. Тэффи и др.). Добавлю, что только библиография занимает почти сотню страниц, включая и библиографию (совместно с А.Н. Горяиновым) опубликованных трудов и писем Бицилли и литература о нем (1912–2016 гг.). В текст книги включены и семь приложений: 1. П.М. Бицилли и М.Т. Полянкевич (Бицилли). Схема родственных связей; 2. Хроника жизни и творчества П.М. Бицилли; 3. Алфавитный перечень адресатов П.М. Бицилли, лиц, чьи письма и публикации с дарственными надписями хранятся в Пушкинском доме (СПб.); 4. Список псевдонимов и криптонимов П.М. Бицилли; 5. Список периодических и полупериодических изданий, где печатался П.М. Бицилли; 6. Перечень названий 95 спецкурсов, прочитанных проф. П.М. Бицилли

в 1924—1940 гг.; 7. Проф. П.М. Бицилли в интернете.

Все это только наглядно подтверждает огромный объем труда, проделанный М.А. Бирманом. Добавлю: чтобы так успешно исследовать, писать портрет П.М. Бицилли, надо просто его «любить», считать своим героем и живописать его в «красках».

Написанное выше следует считать своеобразным введением в основной текст книги, написанной, кстати, легко и непринужденно, отличным стилем.

Безусловно, многие сочинения о тех или иных «великанах» литературы, истории или искусства сочетают в себе их жизненную судьбу и творчество. Именно это достаточно ярко высвечено, начиная уже с непростой генеалогии П.М. Бицилли, в крови которого смешались Европа и Азия, точнее, Балканы, балканская и русская «гиштории», «благородные албанцы из Эпира» и русское дворянство.

Талантливость Бицилли проявилась достаточно рано и видна в его гимназических рисунках и в пророческом отзыве директора гимназии как о «выдающемся ученике» (с. 27). Несколько отвлекаясь, подчеркну, что М.А. Бирман должное внимание уделил и университетским наставникам и коллегам молодого Бицилли. Не обошла вниманием и личная жизнь, связанная с женитьбой на М.Т. Полянкевич.

Весьма отчетливо прослеживаются первые научные опыты. Например, в 1912 г. была опубликована работа Бицилли «Тацит и римской империализм». Сам М.А. Бирман, исследуя начало научной деятельности пишет: «Научные публикации первых лет его авторства были посвящены самым разнообразным эпохам и проблемам истории античной Греции и Рима, раннему средневековью на Руси и в Европе и их взаимоотношениям, религиозной жизни средневековой Италии, философии истории, воспоминаниям правившего в Германии в начале XX в. канцлера Б. фон Бюлова и многим иным темам» (с. 43).

Сейчас бы это назвали полидисциплинарностью и междисциплинарностью, что отмечает автор (с. 43). В этой связи М.А. Бирман освещает неординарную судьбу опубликованного в 1916 г. крупного и талантливого сочинения францисканского монаха, автора знаменитой хроники XIII в., вызвавшего дискуссию в научных

кругах того времени: «Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века».

Относительно России времен 1917 г. Бицилли, как подчеркивает Бирман, провидчески низал следующие строки: «Что если “экспроприация экспроприаторов” выродится в спорадические грабежи и насилия, завершится расхищением en masse общественного достояния и наступлением “сумерек цивилизации” нового средневековья» (с. 50).

А пока, в 1918 г. Бицилли, пишется в книге, издает «Падение Римской империи», что весьма символично после крушения России, этой Восточной империи. Год спустя вышла замечательная монография «Элементы средневековой культуры». В ней утверждается, что средневековому человеку свойственна определенная статичность мышления, неспособность понимать жизнь как процесс (с. 59).

После прихода в его Одессу большевиков начались известные кровавые репрессии, в которых пострадали многие его знакомые. «Вскинувшийся, — по выражению Бицилли, — мелким бесом демон революции» (с. 61) губил в той же Одессе то, что ему было чуждо и контрреволюционно. В итоге, ученый в начале 1920 г. покидает красную Россию.

Начинается жизнь в эмиграции. В начале его приютило Королевство сербов, хорватов и словенцев. Там Бицилли стал читать курсы по всеобщей истории на философском факультете Белградского университета в г. Скопле, тогда захолустье, скажу, редкостное. Тем не менее, отмечает Бирман, отношения с сербскими коллегами были «лояльными». Замечу, что Бицилли сравнительно легко преодолел языковой барьер, что было нелегким делом для многих его русских коллег. Более того, автор книги рисует портреты тех русских ученых, с кем его сталкивала сама жизнь. Научная деятельность? Один пример: в 1923 г. вышла его книга на сербском языке «Увод у светску историју» («Введение в мировую историю»). В целом, текст об этом периоде жизни написан, как и везде, живо и увлекательно. Дополнительно подчеркну два момента: первое — органичность повествования, второе — отсутствие лишней воды, точнее «мертвой воды». Для всех тех, кто занимается русской эмиграцией, труд М.А. Бирмана будет служить не «отсылочной книгой», а источником, к которому

можно и нужно обращаться. Как и многие эмигранты, Бицилли не избежал искуса евразийства, о чем подробно пишет Бирман. Он активно сотрудничает в евразийских сборниках для обмена мнениями по этой чрезвычайно актуальной проблематике, которая для него с течением времени приобретала спорный характер. Со своей стороны замечу, что для меня евразийство скорее не стройное учение, а литературное явление, где каждый из его предводителей (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский) отстаивали свои взгляды на евразийство. И все же, информация по этой проблематике будет, полагаю, весьма интересна для исследователей этого русского феномена.

Свыше полусотни страниц автор посвятил болгарскому периоду жизни ученого, сменившего Скопле на Софию, провинциальный город на столицу. При определенной трудности подробного освещения этого этапа, невозможного для такого жанра, как рецензия, прибегну к ненавистным мне «перечислизмам». Здесь и список спецкурсов, читанных Бицилли в Софийском университете с 1924 г. по 1932 г., и сжатая и емкая характеристика его работы со студентами и для студентов (лекции, семинары). Освещена научная деятельность, прежде всего, издание «Очерков исторической науки».

В этой книге, подчеркивает Бирман, автор «выступает как философ, историк и культуролог, открытый новейшим веяниям в сфере теории исторических и шире — общегуманитарных знаний» (с. 104). Сюда добавлю и «Этюды о русской поэзии», завершенные в 1924 г. в Софии и изданные в 1926 г. в Праге.

Примерно такое же количество страниц посвящено чрезвычайно трудной теме для исследования, требующей терпения, кропотливого собирательства и удачи. Здесь речь идет о публикациях Бицилли в периодических изданиях и сборниках, которым «несть числа». Для краткости представлю пять блоков его публикаций. Первый — по истории российской государственности и культуры (проблемы россиеведения). Второй — публикации по проблемам историософии, историографии, всеобщей истории и о преподавании истории. Третий — публикации по «философии нации» и нациогенезисе. Четвертый — публикации о классиках русской литературы XIX в.

(Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Некрасов, Достоевский, А. Толстой, Чехов). Пятый — публикации по болгаристике и славистике. Только на болгарском языке Бицилли, по подсчетам нашего коллеги, опубликовал в Софии три книги и сорок семь статей, сообщений, заметок и рецензий в различных изданиях (с. 123).

Внимательный читатель, исследователь, найдет в труде Михаила Абрамовича и множество иных материалов. Здесь и экскурсы о его зарубежных поездках из Софии, прежде всего, в Прагу — эти «русские Афины».

Активно шла общественно-научная и культурно-просветительская деятельность Бицилли: лекции на самые разнообразные темы и сюжеты, выступления на международных форумах. Как отмечалось в книге ранее, его волновало евразийство, о котором Бицилли в развернутой форме писал: «Евразийство представляет собою смесь разнородных учено-антикварских, археологических и религиозно-пророческих историко-философских тенденций, которая характерна для славянофильства и романтизма вообще. Одно мешает другому. Евразийцы зовут к возрождению, но их возрождение сбивается на реставрацию» (с. 141).

Не обойдена вниманием и семейная жизнь, быт, ближайшее окружение. Благодаря исследованию Бирмана, можно получить интересные сведения, особенно по коллегам Бицилли, его приятелям, знакомым. В числе последних был и бывший правовед А. С. Мулюкин.

В свое время я немного писал о нем в своей книжке «Софии русский уголок», и к написанному могу добавить, что эта «веселая птичка Божия» не теряла интереса к жизни, несмотря на голод и другие невзгоды. Он то занимался живописью, то писал какое-то опровержение марксизму.

В книге есть и сюжет, связанный с его перепиской с Буниным, в частности, относившийся к идее в Стокгольме выдвижения Ивана Алексеевича на Нобелевскую премию (с. 155–156).

Исследуя преподавательскую деятельность Бицилли, наш коллега (хотя и уехал в иную страну, но до сих пор остается «нашим»), собрал значительную и интересную информацию об этом периоде, охватывающим 1932–1939 гг. Его содержание кратко и емко озаглавлено: «Тернистый путь профессора-контрактника 1930 годов...». Здесь

и сюжеты о сложностях при заключении контракта с Софийским университетом, и болезненная критика Д.В. Философова. Стоит упомянуть и сюжет об участии Бицилли в «полемике-дискуссии по проектам реформы сотрудничества руководства школьными делами русских эмигрантов с правительством Болгарии» (с. 167). Верный себе перфекционист М.А. Бирман представил не только список спецкурсов, читанных им в университете, но и обстоятельно раскрыл связанные с ними сюжеты (с. 169–175). Нужно сказать, что, читая его, можно с полным правом назвать Бицилли энциклопедистом.

Автор продолжал в своей книге начатую им ранее тему о публикаторской деятельности Бицилли (см. начало рецензии), опять будут звучать знакомые имена. Читатель ознакомится с перипетиями семейной жизни Бицилли в 1930-х годах, с «семейными посиделками» в семье ученого.

Тридцатые годы снова будут объектом исследования М.А. Бирмана. На этот раз в книге освещается переписка Бицилли с его коллегами. В них затрагивались различные темы: от оценки ситуации в Советской России, в Германии с ее австрийским аншлюсом, «мюнхенским сговором» до личности и творчества Бунина. И здесь только одна вставка: упоминая барона А.С. Штейгера, можно было бы написать подробнее о младороссах, в которых «ходили» многие известные люди. Сам Штейгер, как признавался в письме к редактору «Современных записок» В.В. Рудневу, что в 1939 г., будучи в Софии, «познакомился с проф. Бицилли и еще совсем под его обаянием. Дом Бицилли как Оазис на Балканах» (с. 219).

Обращаясь к военной тематике, автор подчеркивал, что в семье Бицилли и в его ближайшем окружении были «антинацистские настроения», что было немудрено, зная Петра Михайловича. Равно известно, что в эти трудные годы он, как и прежде, читал спецкурсы в Софийском университете (список в книге прилагается). Из трудов можно назвать «Творчество Чехова», напечатанный в 1942 г.

После прихода к власти коммунистов Бицилли продолжал, подчеркивает Бирман, вести активную педагогическую работу,

причем из двенадцати спецкурсов, прочитанных в 1945–1948 гг., пять было посвящено России, в основном, ее общественным движениям (с. 244). Весьма интересный сюжет связан с проблемой получения советского гражданства, в чем ему было отказано три раза, несомненно, по идеологическим соображениям.

В создавшейся ситуации, подчеркивается в книге, Бицилли принял болгарское гражданство, продолжая свою творческую деятельность. Самой крупной была изданная на болгарском языке в 1947 г. работа «История на Русия от начало на XIX век до втората революция (1917 год): вътрешната политика и общественни движения».

В 1948 г. истек срок его очередного контракта, и Бицилли был вынужден перейти на «положение пенсионера без пенсии», оказавшегося без достаточных средств, преследуемого неудачами в сфере публикаций. Так и не была напечатана монография «История социалистических идей в Европе», можно сказать, новая тема в творчестве ученого.

Конец жизни, безусловно, ускорила сама обстановка вокруг его фигуры. И здесь уместно привести строки из воспоминаний зятя ученого А.П. Мещерского: «Человек очень тонкой душевной структуры, он (Бицилли) с трудом сохранял в той атмосфере травли, грубого равнодушия и малодушного приспособленчества веру в себя, в свою полезность, в свою необходимость [...] Мне не раз приходилось слышать горькие слова из уст профессора — “травят как собаку”, “ну что же — я человек за бортом...”, [...] Чувство своей ненужности, обреченности все чаще овладевало им». В августе 1953 г. профессор П.М. Бицилли ушел из жизни.

Завершая свой текст, подчеркну — труд М.А. Бирмана достоин самой высокой оценки. Жизнеописание П.М. Бицилли позволяет достаточно ярко и выпукло представить как саму личность ученого с большой буквы, энциклопедиста, так и его удивительно разностороннее творчество, занятия на педагогической ниве.

© 2019 г. *В.И. Косик*
E-mail: *kosikviktor@mail.ru*